

С. Д. Шереметев

Воспоминания детства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. Д. Шереметев**
Воспоминания детства / С. Д. Шереметев – М.: Книга по Требованию, 2021. –
60 с.

ISBN 978-5-458-09621-8

Воспоминания детства графа Сергея Шереметева - русского государственного деятеля, коллекционера, историка.

ISBN 978-5-458-09621-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Для матери моей, послѣ тяжелаго горя — потери единственнаго сына, рожденіе мое было большою радостью. Отецъ также радовался, и когда по старому обычаю собрались къ нему изъ разныхъ мѣстъ крестьяне съ поздравленіями, меня вынесли на подушкѣ! Крестьяне тутъ же поднесли моей матери драгоценное ожерелье изъ изумрудовъ. Такое же ожерелье изъ бирюзы поднесли ей, когда родился старшій мой братъ.

Императрица Александра Феодоровна, всегда неизмѣнно любившая мою мать, порадовалась за нее и выразила желаніе быть воспріемницею вмѣстѣ съ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Назначенъ былъ день крестинъ, и Императрица должна была пріѣхать въ нашъ домъ. По нездоровью она не могла выѣхать, но пожелала лично присутствовать на крестинахъ, а потому меня крестили въ Зимнемъ Дворцѣ; таинство совершалъ протопресвитеръ Василій Борисовичъ Бажановъ. Долго еще сохранялась старомодная четырехмѣстная карета на лежачихъ рессорахъ, съ

большими гербами и украшеніями, въ которой меня возили во дворецъ на вѣстины.

При мнѣ была англичанка Шарлотта Ивановна Рутландъ, рекомендованная моей матери почтенною г-жею Рюминой. Она тотчасъ же переѣхала къ намъ въ домъ. Старшая ея дочь, Авна, замужемъ была за англичаниномъ Рейдгаузомъ; другая ея дочь, Эмилія, жила впоследствии въ семействѣ Брискорна. Сыновья ея, старшій Фридрихъ жилъ въ Сибири, второй Archibald учился въ Мѣдико-хирургической Академіи, меньшей William былъ еще юноша. Всѣ эти имена и лица стали мнѣ близки, такъ часто приходилось слышать о нихъ рассказы. Сама Шарлотта Ивановна была прекрасная женщина, хотя съ характеромъ нѣсколько тяжелымъ и взыскательнымъ, она любила поставить на своемъ и ревностно относилась ко всякимъ вмѣшательствамъ въ дѣтскую; бывали даже пререканія съ моею матерью, но ей многое прощалось ради ея несомнѣнныхъ достоинствъ. Конечно, она была пламенная патриотка и все англійское предпо-

читала всему. Она особенно не любила, когда посторонніе входили въ мою комнату. Отецъ съ нею спорилъ и возставалъ противъ англо-маніи. Онъ въ особенности не любилъ, когда меня одѣвали по англійски, съ голыми колѣнами и съ большими бантами.

Первую зиму 1844—1845 г. прожилъ я въ той же комнатѣ, въ которой родился, то-есть, наверху, но на слѣдующую зиму отдѣлили мнѣ три комнаты въ нижнемъ этажѣ, окнами въ садъ, въ которыхъ я и прожилъ до 1859 года. Лѣто 1845 года провели на Петергофской дорогѣ на дачѣ „Ульянкѣ“, гдѣ я жилъ внизу, къ сторонѣ сада; но такъ какъ передъ самыми окнами росли старыя березы (еще Панинскихъ временъ), то въ комнатахъ почти не было солнца, и сырость такъ была велика, что стѣны были мокры. Моя мать не любила Ульянки, находила мѣсто свучнымъ и нездоровымъ; за то отецъ предпочиталъ Ульянку своимъ подмосковнымъ, хотя впоследствии любилъ и Останкино. Оно было понятно, потому что здѣсь онъ провелъ все свое дѣтство

и первую молодость, среди многочисленного семейства Даноуровыхъ; а въ то время жилось на Ульяновкѣ весело. Домъ, въ которомъ мы жили въ 1845 году, былъ еще времянь графа Никиты Ивановича Панина, позднѣ онъ былъ перестроенъ архитекторомъ Корсини, съ сохраненіемъ, по возможности, прежняго распредѣленія воннатъ и даже фасада.

На сколько было возможно, моя мать старалась украсить Ульяновку: развела порядочный фруктовый садъ съ небольшимъ садикомъ для меня; она поддержала оранжереи, которыя находились между шоссе и взморьемъ и славились персиками и ананасами. Въ саду разбиты были новыя дорожки, и между ними одна совершенно прямая въ версту, которая вела въ домику, построенному въ лѣсу еще дѣдомъ моимъ Николаемъ Петровичемъ.

Гости наѣзжали довольно часто изъ Петербурга и Петергофа, гдѣ находился Дворъ. Приѣзжали гостить родные: долгое время жила бывшая воспитательница моей матери, графиня Паскались, постоянно, конечно, пребывала

Татьяна Васильевна, очень любившая Ульянку, жилъ и старикъ Simonin, воспитатель отца, и домашній докторъ, лейбъ-медикъ императора Николая, Эмилій Ивановичъ Рейнгольдъ...

Въ семи верстахъ отъ Ульянки находится Сергіева Пустынь, и тогда, какъ и теперь, она славилась прекраснымъ пѣніемъ и внѣшнимъ благоустройствомъ. Настоятелемъ ея былъ тогда архимандритъ Игнатій (бывшій саперъ Брянчаниновъ). Мать очень любила ѣздить въ Пустынь къ обѣднѣ, и меня туда не разъ возили.

На зиму переѣхали обратно въ Петербургъ, а на слѣдующее лѣто опять въ Ульянку. Комнаты матери были внизу, окнами въ шоссе; на сколько было возможно, она устроилась удобно. Пріѣхали гостить бабушка Варвара Петровна, бабушка Евкатерина Васильевна, тетущка Елизавета Сергѣевна.

На слѣдующій годъ моя мать рѣшилась переѣхать въ любимую Москву и пожить въ Кусковѣ.

Въ большомъ нашемъ домѣ на Воздвиженкѣ шли передѣлки, и нельзя было въ немъ оста-

новиться. Раннею весною мы перебрались въ Москву и остановились въ домѣ Варгина, на Тверской, гдѣ и прожили нѣсколько времени до переѣзда въ Кусково. Отецъ остался въ Петербургѣ.

Мать чрезвычайно любила Кусково, въ которомъ жила еще дѣвучкой и почти ребенкомъ вмѣстѣ съ бабушкой Варварой Петровной и со всею семьей. Потомъ провела она лѣто въ Кусковѣ съ покойнымъ братомъ, и благодаря ея пребыванію, запущенное и заброшенное Кусково ожило и украсилось.

Помню, какъ рассказывала Шарлотта Ивановна (я иначе не называлъ ее, какъ Miss-lö или Mi) объ этомъ первомъ пребываніи въ Кусковѣ. Она столько слышала о немъ, что съ нетерпѣніемъ ожидала пріѣзда и дорогою въ каретѣ все глядѣла въ окно. Когда поровнялись съ какимъ-то невзрачнымъ домомъ, моя мать шутя сказала Шарлоттѣ Ивановнѣ, что подъѣзжаемъ къ Кускову; лошади дѣйствительно пріостановились, и Шарлотта Ивановна не могла скрыть своего смущенія. За то она

совершенно успокоилась, когда прибыли въ настоящее Кусково.

Зиму 1847 г. опять провели въ Петербургѣ; на лѣто 1848 вновь пересѣхали въ Кусково. Не разъ возили меня въ Троицкую Лавру, лѣтомъ и зимою, и жила тамъ по долгу, всегда останавливаясь въ старой монастырской гостинницѣ. Моя мать очень почитала архимандрита Антонія, столь извѣстнаго друга и духовника митрополита Филарета. Когда умеръ братъ мой и моя мать находилась въ ужасномъ положеніи, архимандритъ Антоній много помогъ ей теплымъ участіемъ и молитвами. Кіевскій митрополитъ Филаретъ и Филаретъ Московскій приняли также сердечное участіе въ ея горѣ; послѣдній былъ съ нею въ перепискѣ.

Жили въ то время въ Лаврѣ два старика, которыхъ я помню, хотя и смутно: отецъ Савватій и отецъ Харлампій; послѣдній умеръ раньше и былъ весьма строгой, подвижнической жизни. Отецъ Савватій былъ другомъ всего нашего семейства, весельчакъ и боль-

шой добрякъ, онъ скончался въ пятидесятихъ годахъ. Еще помню, какъ таскался въ гостиницу юродствующій Филаретикъ съ огромной тяжелой палкой, на концѣ которой былъ большой металлическій голубь. О немъ говорили различно: иные считали его великимъ подвижникомъ и человѣкомъ замѣчательнымъ; другіе смѣялись надъ нимъ. Одѣтъ онъ былъ всегда грязно, терпѣлъ онъ всякія лишенія и униженія, странствовалъ по монастырямъ, но больше бродилъ около Лавры. Въ монастырѣ его не любили и даже изгоняли его. Приходилъ онъ и на Воздвиженку съ своимъ голубкомъ, къ бабушкѣ Варварѣ Петровнѣ, и говорилъ иносказательно, какъ юродивый. Кончилъ онъ однако же тѣмъ, что на пожертвованный какою-то купчихой капиталъ построилъ, съ благословенія митрополита Филарета, церковь близъ скита Геосиманскаго, въ рощѣ, на берегу пруда, постригся, сдѣлался іеромонахомъ (уже въ 60-хъ годахъ), устроилъ свой отдѣльный скитъ, раздавалъ всѣмъ приходящимъ деревянные кресты. Передъ смертью онъ былъ заподозрѣнъ

въ какомъ-то темномъ дѣлѣ, но оправданъ и освобожденъ отъ слѣдствій и кончилъ свое поприще мирно въ своемъ скиту, оставивъ добрую по себѣ память. Былъ я у него тогда въ 60-хъ годахъ, и онъ меня узналъ.

Бабушка моя Варвара Петровна жила всѣ эти годы на Воздвиженкѣ въ нашемъ угловомъ домѣ. Кто не зналъ этого дома и гостеприимной хозяйки его? Четыре поколѣнія жило одновременно въ этомъ домѣ: мать бабушки, Марья Борисовна Алмазова, Екатерина Васильевна, Надежда Николаевна, дѣти, внуки и правнуки...

Первыя воспоминаванія дѣтства моего относятся, должно быть, къ лѣту 1848 г. Мы жили въ Кусковѣ. Я долго сомнѣвался въ томъ, дѣйствительно ли я могу помнить это лѣто и не смѣшиваю ли я его съ 1849 годомъ, проведеннымъ также въ Кусковѣ? Но въ 1849 г. мы прожили тамъ очень не долго. Затѣмъ я справлялся и провѣрилъ себя; оказалось, что мои воспоминаванія вѣрны и относятся именно къ 1848 г., когда мнѣ было четыре года.

Какъ сквозь туманъ вижу я Кусково.

Помню прекрасный лѣтній день, аллею поморанцовыхъ деревьевъ, запахъ жасмина; я бѣгалъ передъ домомъ, и меня поразила страшная грозовая туча. Она быстро подвигалась и застила голубое небо; слышу раскаты грома все ближе и ближе; ужасъ овладѣлъ мною, и я побѣждалъ укрыться въ домъ. Впечатлѣніе этого дня было такъ сильно, что до сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ тяжкаго, непріятнаго ощущенія, когда подходитъ гроза. Впрочемъ, все вокругъ меня боялось грозы. Мать зажигала свѣчу, а Шарлотта Ивановна прятала голову въ подушки и столько же боялась грозы, сколько и лошадей.

Еще помнится мнѣ круглая кушетка посреди красной, угловой гостиной Кусковскаго дома. Моя мать сидѣла со мною, и мы разсматривали какія-то коробки съ пастилой; а въ той же комнатѣ въ углу стояли пальцы, съ клубками разноцвѣтной шерсти и старый дѣдовскій органъ, игравшій менуеть. Открытый балконъ передо мною съ видомъ на прудъ, и въ памяти у меня живо, какъ подѣхалъ экипажъ,